

III. Логическая классификация смыслоразличительных оппозиций

1. Содержание фонемы и система фонем

При условии точного применения всех приведенных выше правил можно установить полный состав всех фонем данного языка. Теперь нам необходимо определить фонологическое содержание каждой отдельной фонемы. Под фонологическим содержанием фонемы мы понимаем совокупность всех фонологически существенных признаков фонемы, то есть признаков, общих для всех вариантов данной фонемы и отличающих ее от других и прежде всего от близкородственных фонем в данном языке. Немецкое *k* нельзя определять как «велярный», поскольку этот признак присущ только части его вариантов; например, перед *i* и *ü* немецкое *k* реализуется как палатальный согласный. С другой стороны, неточным будет и определение немецкого *k* как «дорсального», поскольку «дорсальными» являются также *g* и *ch*. Фонологическое содержание немецкого *k* можно сформулировать только так: «напряженный, неназализованный, дорсальный смычный». Иными словами, для немецкого фонологически существенны только следующие признаки: 1) образование полной смычки (в отличие от *ch*), 2) выключение полости носа (в отличие от *ng*), 3) напряжение мускулатуры языка при одновременном расслаблении мускулатуры гортани (в отличие от *g*), 4) участие спинки языка (в отличие от *t* и *p*). Первый из этих четырех признаков объединяет *k* с *t*, *p*, *tz*, *pf*, *d*, *b*, *g*, *m*, *n*, *ng*, второй — с *g*, *t*, *d*, *p*, *b*, третий — с *p*, *t*, *ss*, *f*, четвертый — с *g*, *ch*, *ng*, и только совокупность всех четырех признаков присуща одному *k*. Отсюда видно, что определение фонологического содержания фонемы предполагает включение ее в систему фонологических оппозиций, существующих в данном языке. Определение содержания фонемы зависит от того, какое место занимает та или иная фонема в данной системе фонем, то есть в конечном счете от того, какие другие фонемы ей противопоставлены. Из этого следует, что иной раз фонема может получить чисто отрицательное определение. Если мы примем во внимание, например, все факультативные и комбинаторные варианты немецкого *g*, то должны будем определить эту фонему только как «нелатеральный плавный», что является чисто отрицательным определением, ибо сам «плавный» является «неносовым сонорным», а «сонорный» — «нешумным».

2. Классификация оппозиций

А. Классификация оппозиций по их отношению к системе оппозиций в целом: многомерные и одномерные, изолированные и пропорциональные оппозиции; основанная на этом структура системы фонем

Фонемный состав языка является по существу лишь коррелятом системы фонологических оппозиций. Никогда не следует забывать, что в фонологии основная роль принадлежит не фонемам, а смысловозначительным оппозициям. Любая фонема обладает определенным фонологическим содержанием лишь постольку, поскольку система фонологических оппозиций обнаруживает определенный порядок или структуру. Чтобы понять эту структуру, необходимо исследовать различные типы фонологических оппозиций.

Прежде всего необходимо ввести ряд понятий, имеющих решающее значение не только для фонологической, но и для любой другой системы оппозиций¹.

Противоположение (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать «основанием для сравнения». Две вещи, не имеющие основания для сравнения, или, иными словами, не обладающие ни одним общим признаком (например, чернильница и свобода воли), никак не могут быть противопоставлены друг другу. В таких системах противоположений, как фонологическая система, следует различать два типа оппозиций: *одномерные* и *многомерные*. В *одномерных* оппозициях основание для сравнения, то есть совокупность признаков, которыми обладают в равной мере оба члена оппозиции, присуще только этим двум членам оппозиции и не присуще никакому другому члену той же системы. В противоположность этому в *многомерных* оппозициях совокупность общих признаков (основание для сравнения) не ограничивается только членами данной оппозиции, а распространяется также и на другие члены той же системы. Различие между одномерными и многомерными оппозициями может быть проиллюстрировано на примере латинского алфавита. Противоположение букв E и F в нем одномерно, по-

¹ Cp. N. T r u b e t z k o y, Essai d'une théorie des oppositions phonologiques, «Journal de psychologie», XXXIII, стр. 5—18.

скольку совокупность черт, общих этим двум буквам (вертикальный стержень и два горизонтальных направленных вправо штриха, один из которых укреплен на верхнем конце стержня, а другой—посередине его), не повторяется ни в одной другой букве латинского алфавита. Напротив, противоположение букв Р и R является многомерным, так как совокупность черт, общих двум буквам (направленная вправо петелька в верхнем конце вертикального стержня), помимо этих двух букв, имеется еще в букве В.

Различение одномерных и многомерных оппозиций имеет исключительное значение для общей теории оппозиций. Оно может быть обнаружено в любой оппозитивной системе, в том числе, естественно, и в фонологических системах (в составе фонем). Так, например, в немецком языке оппозиция t—d одномерна, поскольку t и d являются единственными дентальными смычными в фонологической системе немецкого языка. Наоборот, оппозиция d—b в том же немецком языке многомерна, поскольку то общее, что обнаруживается у этих фонем, а именно образование слабой смычки, повторяется и в другой фонеме немецкого языка, а именно в g. Таким образом, какую бы фонологическую оппозицию мы ни взяли, всегда можно точно и определенно сказать, является ли она одномерной или многомерной. Само собой разумеется, что при этом следует учитывать только фонологически существенные признаки. Однако дополнительно могут быть приняты во внимание и отдельные фонологически несущественные признаки, если благодаря им члены данной оппозиции противопоставлены другим фонемам той же системы. Так, оппозицию d—n (например, во французском) можно рассматривать как одномерную, поскольку члены ее являются единственными звонкими дентальными смычными (хотя ни звонкость, ни образование смычки не существенны для n, поскольку глухое и соответственно фрикативное n как особые фонемы в данной системе отсутствуют).

В любой системе оппозиций многомерные противоположения численно превышают одномерные. Так, например, система согласных немецкого литературного языка в его сценическом произношении содержит 20 фонем (b, ch, d, f, g, h, k, l, m, n, η, p, pf, r, ss, s, sch, t, w, tz) и, следовательно, 190 возможных оппозиций. Среди них только 13 одномерны (а именно: b—p, d—t, g—k, b—m, d—n, g—η, pf—f, k—ch, tz—ss, f—w, ss—s, ss—sch, r—l), все прочие оппозиции (то есть 93% всей системы) многомерны. Имеются фонемы, вообще не участвующие в одномерных оппозициях; среди согласных немецкого языка такой фонемой является h. В противоположность этому в многомерных оппозициях должна участвовать любая фонема, и среди оппозиций, в которых принимает участие та или иная фонема, многомерные всегда превосходят числом одно-

мерные. Каждая согласная фонема немецкого языка участвует в 19 оппозициях, из коих самое большое только две одномерны. Однако для определения фонологического содержания фонемы наиболее существенны как раз одномерные оппозиции. Следовательно, одномерные оппозиции вопреки их относительно ограниченному числу играют значительную роль в структуре фонологической системы.

Многомерные оппозиции можно разделить на гомогенные (о д н о р о д н ы е) и гетерогенные (н е о д н о р о д н ы е). Однородными называются такие многомерные оппозиции, члены которых могут быть представлены в качестве крайних точек «цепочек» (выражение заимствовано нами у Н. Дурново) из одномерных оппозиций. Так, например, оппозиция *и—е* в немецком языке многомерна: общим для обеих фонем является лишь то, что они гласные, но этот признак не ограничивается только названными двумя фонемами, он присущ еще целому ряду фонем немецкого языка (точнее — всем гласным). Однако члены данной оппозиции *и* и *е* можно представить как крайние точки «цепочки» *и—о, о—ö, ö—е*, которая состоит из одномерных оппозиций: в системе гласных немецкого языка *и* и *о* являются единственными лабиализованными гласными заднего ряда, *о* и *ö* — единственными лабиализованными гласными среднего подъема, *ö* и *е* — единственными гласными переднего ряда среднего подъема. Следовательно, оппозиция *и—е* является однородной. Однородной является также многомерная оппозиция *х—η* (*ch—ng*) в системе согласных немецкого языка: ее можно вытянуть в цепочку одномерных оппозиций *х—к, к—г, г—η*. В противоположность этому многомерная оппозиция *р—т* является неоднородной, так как в промежутке между *р* и *т* нельзя представить себе ни одного члена, который составлял бы с этими фонемами одномерную оппозицию. Совершенно очевидно, что в совокупной фонологической системе любого языка неоднородные многомерные оппозиции должны быть многочисленнее однородных. Однако для определения фонологического содержания фонемы, а следовательно, и для общей структуры фонологической системы однородные оппозиции очень важны.

Можно выделить далее два типа однородных многомерных оппозиций: **прямолинейные** и **непрямолинейные**, в зависимости от того, какую цепную связь можно установить между членами оппозиции: с помощью ли одной «цепочки» одномерных оппозиций или с помощью ряда «цепочек». Так, в приведенных выше примерах оппозиция *х—η* прямолинейная, поскольку в рамках немецкой фонологической системы мыслима только одна «цепочка» *х—к—г—η*. В отличие от этого оппозиция *и—е* является не-

прямолинейной, поскольку «путь», ведущий от *u* к *e* в рамках немецкой фонологической системы, можно представить в виде ряда «цепочек» из одномерных оппозиций (*u—o—ö—e*, или *u—ü—ö—e*, или *u—ü—i—e*, или *u—o—a—ä—e*).

Наряду с различием одномерных и многомерных оппозиций не менее существенно и различие пропорциональных и изолированных оппозиций. Оппозиция называется пропорциональной, если отношение между ее членами тождественно отношению между членами какой-либо другой оппозиции (или ряда других оппозиций) в рамках той же самой фонологической системы. Так, например, оппозиция *p—b* в немецком языке пропорциональна, поскольку отношение между *p* и *b* является тождественным отношению между *t* и *d* или между *k* и *g*. Наоборот, оппозиция *p—sch* является изолированной, поскольку в немецкой фонологической системе нет другой пары фонем, члены которой находились бы в таких же отношениях, как *p* и *sch*. Различие между пропорциональными и изолированными оппозициями может иметь место как в одномерных, так и в многомерных оппозициях: так, например, в немецком языке оппозиции а) *p—b* — одномерная и пропорциональная, б) *t—l* — одномерная и изолированная, в) *p—t* — многомерная и пропорциональная (ср. *b—d*, *m—n*), г) *p—sch* — многомерная и изолированная.

В любой системе изолированные оппозиции гораздо многочисленнее пропорциональных. В немецкой системе согласных только 40 оппозиций пропорциональны, а 150 оппозиций (то есть 80%) являются изолированными. При этом они распределяются следующим образом:

одномерные пропорциональные	11	(6%)
одномерные изолированные	2	(1%)
многомерные пропорциональные	29	(15%)
многомерные изолированные	148	(78%)

Эта таблица свидетельствует о том, что в одномерных оппозициях преобладают пропорциональные, а в многомерных — изолированные отношения.

Само собой разумеется, что абсолютные цифры варьируют от языка к языку. Однако отношение в основном остается всюду одним и тем же: наибольшую группу образуют изолированные многомерные оппозиции, наименьшую — изолированные одномерные оппозиции; между этими крайними точками располагаются пропорциональные оппозиции, среди которых многомерные всегда преобладают над одномерными. Для характеристики той или иной фонологической системы не столь важно процентное отношение, сколь процент фонем, которые участвуют в каждом из этих классов. Среди немецких согласных встречается лишь одна фонема, участвующая только в изолированных многомерных оппозициях (*h*);

три участвуют только в одной одномерной изолированной оппозиции (š, г и 1); все прочие согласные (то есть 80% согласных) участвуют одновременно в одномерных и многомерных пропорциональных оппозициях. В русском языке в пропорциональных оппозициях участвует 88% согласных, а в бирманском языке — даже 97%. Еще важнее отношение числа одномерных пропорциональных оппозиций к числу фонем, участвующих в этих оппозициях. В немецкой системе согласных в 11 одномерных пропорциональных оппозициях участвует 16 фонем, в русском языке в 27 оппозициях того же рода — 30 согласных, а в бирманском в 79 оппозициях аналогичного типа — 60 согласных. Разделив число одномерных пропорциональных оппозиций на число согласных фонем, участвующих в этих оппозициях, получим: для немецкого — 0,69, для русского — 0,90 и для бирманского — 1,32.

Благодаря различным типам оппозиций достигается внутренняя упорядоченность или структурность фонемного состава как системы фонологических оппозиций. Все пропорциональные оппозиции с одинаковыми отношениями между их членами можно объединить в уравнения («пропорции», откуда и само название «пропорциональный»); например, $b-d = p-t = m-n$ или $u-o = \ddot{u}-\ddot{o} = i-e$ и т.д. в немецкой системе согласных и гласных. С другой стороны, мы уже упоминали о таких «цепочках» одномерных оппозиций, которые можно вставить между членами однородной (в частности, прямолинейной однородной) многомерной оппозиции; например, $ch-k-g-\eta$ или $u-\ddot{u}-i$ и т.д. в немецком языке. Если одна из оппозиций в такой «цепочке» оказывается пропорциональной, «цепочка» переименовывается с «пропорцией». Если какая-либо фонема участвует одновременно в ряде пропорциональных оппозиций, то переименовывается ряд пропорций. В результате фонологическая система может быть представлена в виде пересекающихся друг друга параллельных рядов. В немецкой системе согласных пропорции $b-d = p-t = m-n$, $b-p = d-t$ и $b-m = d-n$ образуют пересечение, которое можно изобразить в виде двух параллельных цепочек $p-b-m$ и $t-d-n$. Пропорции $p-b = t-d = k-g$ и $b-m = d-n = g-\eta$ дают начало параллелизму цепочек $p-b-m$, $t-d-n$ с $k-g-\eta$. Последняя цепочка, однако, может быть дополнена еще одним членом и принимает в этом случае вид $ch-k-g-\eta$. Далее, отношение $ch-k$ (шель — смычка) по существу тождественно отношениям $f-pf$, $ss-tz$, которые, со своей стороны, являются лишь частью параллельных цепей $w-f-pf$ (фонол. $v-f-\ddot{p}$) и $s-ss-tz$ (фонол. $z-s-c$). Наконец, ss является также членом одномерной изолированной оппозиции $ss-sch$ (фонол. $s-\ddot{s}$). В результате мы имеем следующую картину:

			v	z	
		x	f	s	š
p	t	k	ṽ	c	
b	d	g			
m	n	ŋ			

Эта схема охватывает 17 фонем, то есть 85% всех согласных немецкого языка. Вне схемы остаются, с одной стороны, г и л, составляющие как единственные плавные немецкого языка изолированную одномерную оппозицию, и, с другой стороны, фонема h, образующая по отношению ко всем прочим согласным многомерную изолированную оппозицию¹.

Порядок, который достигается расчленением фонем на параллельные ряды, существует не только на бумаге и не является делом одной лишь графики. Напротив, он соответствует фонологической реальности. Благодаря тому что определенное отношение между двумя фонемами реализуется в ряде пропорциональных оппозиций, оно приобретает способность мыслиться и квалифицироваться фонологически даже независимо от отдельных фонем. Это приводит к тому, что определенные признаки той или иной фонемы распознаются особенно ясно, а фонема легко разлагается на свои фонологические признаки.

Зависимость фонологического содержания фонемы от ее места в фонологической системе, а следовательно, от структуры этой системы является основополагающим фактом фонологии. Так как системы фонологических оппозиций варьируют от языка к языку и от диалекта к диалекту, то и фонологическое содержание фонем оказывается различным в зависимости от языка и диалекта. Это различие может отражаться также и в реализации фонем.

В качестве примера мы возьмем фонему г и рассмотрим, как она реализуется в разных языках. Мы уже видели, что н е м е ц к о е г соотносится только с л, образуя одномерную оппозицию. Ее фонологическое содержание оказывается весьма бедным, фактически чисто отрицательным: г — это не гласный, не какой-либо шумный, не назальный и не л. Отсюда вытекает и исключительное многообразие ее реализаций: г перед гласным у одних немцев является дентальным, у других — увулярным дрожащим, у третьих — гуттуральным спирантом, почти бесшумным; в положении не после гласного эта фонема в большинстве случаев произносится либо как неслоговой неопределенный гласный, либо как гуттуральный неполного образования и очень редко как слабый дрожащий. Ч е ш с к о е г имеет гораздо более богатое фонологическое содержа-

¹ «Фонемы р» нет в немецком литературном языке. Литературное j скорее можно рассматривать как комбинаторный вариант гласного i. А это значит, что такое j не принадлежит системе согласных

ние, так как оно входит в одномерную оппозицию не только с *l*, но и с особой чешской фонемой *ř*: *г* и *l* являются единственными плавными, а *г* и *ř* — единственными дрожащими; *г* отличается от *ř* тем, что оно является не шумным, а плавным, а от *l* тем, что оно представляет собой дрожащий. Поэтому чешское *г* произносится во всех без исключения положениях как отчетливый и энергично раскатистый сонорный. Его нельзя «проглотить» как немецкое *г*. Увулярное произношение *г* не в ходу, ибо при этом оппозиция *г*—*ř* теряет свою отчетливость. Нормальным оказывается дентальное *г*. Увулярное *г* встречается лишь как крайне редкий индивидуальный вариант и считается неправильным¹. Совершенно иную картину дает нам *г* в *г* и *л* *я* *ц* *к* *ом* или *н* *и* *в* *х* *с* *к* *ом* языке (в устье Амура и в северной части Сахалина)². В этом языке наряду со звонким *г* существует еще глухой *ɟ* с отчетливым шумом трения. Поскольку это *ɟ* определяется как глухой спирант, то оппозиция *г*—*ɟ* является не только одномерной, но и пропорциональной: она образует пропорции с оппозициями *v*—*f*, *z*—*s*, *γ*—*x*, *ʝ*—*χ*. Отсюда *г* определяется как звонкий спирант. Стоит только произнести *г* поэнергичнее (особенно там, где оно геминировано), как отчетливо слышится ж-образный шум, что абсолютно исключено в отношении чешского *г*, поскольку тогда его можно было бы смешать с *ř*. Кроме того, оппозиции *v*—*f*, *z*—*s*, *γ*—*x*, *ʝ*—*χ* связаны с цепочками *b*—*p*—*p'*, *ɟ*—*c*—*c'*, *g*—*k*—*k'*, *ɣ*—*k̥*—*k̥'*, а *г*—*ɟ* связано с *d*—*t*—*t'*. Отсюда мы получаем схему:

<i>d</i>	<i>b</i>	<i>ɟ</i>	<i>g</i>	<i>ɣ</i>
<i>t</i>	<i>p</i>	<i>c</i>	<i>k</i>	<i>k̥</i>
<i>t'</i>	<i>p'</i>	<i>c'</i>	<i>k'</i>	<i>k̥'</i>
<i>г</i>	<i>v</i>	<i>z</i>	<i>γ</i>	<i>ʝ</i>
<i>ɟ</i>	<i>f</i>	<i>s</i>	<i>x</i>	<i>χ</i>

Следовательно, увулярное произношение *г* совершенно исключено; он всегда реализуется как дентальный. Тем самым фонологическое содержание *г* определяется следующим образом: это «звонкий долгий дентальный». Поскольку в *г* и *л* *я* *ц* *к* *ом* языке имеется еще *l*, то *г* должен произноситься как отчетливо дрожащий. Последним в этом ряду примеров можно было бы привести *я* *п* *о* *н* *с* *к* *о* *е* *г*. Это единственный плавный в фонологической системе японского языка. Единственной фонемой, которой противостоит *г* в качестве члена одномерной оппозиции, является мягкое *г'*. Но так как все японские согласные имеют мягкие соответствия, то это соотношение с *г'* нельзя рассматривать как специфическую особенность *г*. Японское *г* следует, таким образом, определить как «немягкий плавный» (при этом под плавным разумеется согласная фонема, которая не является ни шумной, ни назальной). Отсюда значи-

¹ Ср. Fr. Trávnický, *Správná česká výslovnost*, Brno, 1935, стр. 24

² Е. А. Крейнович, Нивхский (гиляцкий) язык, «Языки и письменность народов Севера», III, 1934, стр. 188 и сл

тельная неопределенность в реализации данной фонемы. Иной раз в качестве факультативного варианта выступает *l*, но даже и тогда, когда этого нет, *l* не может произноситься с энергичным раскатом, ибо в этом случае оно приобретет резко индивидуальный характер. Чаше всего *l* реализуется как одноударный согласный. Увулярная артикуляция здесь невозможна, ибо это окажет влияние на пропорциональность оппозиции *l*—*l'*.

Число примеров можно было бы увеличить до бесконечности; можно было бы привлечь много других языков, чтобы показать зависимость фонологического содержания фонемы *l* от ее места в фонологической системе и, следовательно, от структуры этой системы; при этом в большинстве случаев из ее фонологического содержания можно было бы вывести и фонетическую реализацию *l*, амплитуду его вариантов и т.д.

Вместо *l* можно было бы выбрать какую-либо другую фонему, и результат был бы таким же. Подводя итог, отметим, что фонологическое содержание фонемы зависит от структуры данной фонологической системы. А так как фонологическая система в каждом языке и даже в каждом диалекте различна, то в двух разных языках найти фонему с абсолютно одинаковым фонологическим содержанием удастся относительно редко. Нас не должно при этом вводить в заблуждение употребление одинаковых знаков международной транскрипции. Знаки этой транскрипции — всего лишь вспомогательное средство, к которому мы прибегаем за неимением лучшего. Если бы возникла необходимость обозначать одинаковыми буквами только фонемы с одинаковым фонологическим содержанием, то пришлось бы употреблять для каждого языка свой особый алфавит.

Б. Классификация оппозиций по отношению между членами оппозиции: привативные, ступенчатые (градуальные) и равнозначные (эквивалентные) оппозиции

Структура системы фонем зависит от распределения одномерных, многомерных, пропорциональных и изолированных оппозиций. Именно поэтому и имеет такое большое значение классификация оппозиций по четырем классам. Принципы классификации при этом связаны с системой фонем в целом: одномерность или многомерность оппозиции зависит от того, свойственно ли то, что является общим у членов данной оппозиции, лишь этим членам или же оно присуще и другим членам той же системы¹; пропорциональный или изолированный характер оппозиции зависит от того, повторяется или нет то же отношение и в других оппозициях той же системы. Но фонологические оппози-

¹ Что касается подразделения многомерных оппозиций на гетерогенные и гомогенные, а этих последних на прямолинейные и непрямолинейные, то оно в конечном счете тоже покоится на тех же основаниях.

ции могут быть подразделены на типы и безотносительно к системе фонем в целом; в этом случае в качестве основания для классификации выступают чисто логические отношения между членами оппозиции. Такая классификация не имеет значения для чисто внешней структуры фонемного состава; однако она приобретает большое значение, как только мы переходим к рассмотрению функционирования системы фонем.

Принимая во внимание отношения, существующие между членами оппозиций, последние можно подразделить на три типа:

а) **П р и в а т и в н ы м и** называются оппозиции, один член которых характеризуется наличием, а другой — отсутствием признака, например «звонкий — незвонкий», «назализованный — неназализованный», «лабиализованный — нелабиализованный» и т.д. Член оппозиции, который характеризуется наличием признака, называется **м а р к и р о в а н н ы м**, а член оппозиции, у которого признак отсутствует, — **н е м а р к и р о в а н н ы м**. Этот тип оппозиций исключительно важен для фонологии.

б) **Г р а д у а л ь н ы м и** (с т у п е н ч а т ы м и) называются оппозиции, члены которых характеризуются различной степенью или градацией одного и того же признака; например, оппозиция между двумя различными степенями раствора у гласных (ср. нем. u—o, ï—ö, i—e) или между различными степенями высоты тона. Член оппозиции, которому присуще наличие крайней (минимальной или максимальной) степени данного признака, называется **к р а й н и м** или **в н е ш н и м**; прочие члены являются **с р е д н и м и**. Градуальные оппозиции сравнительно редки и не столь важны, как привативные.

в) **Э к в и п о л е н т н ы м и** (р а в н о з н а ч н ы м и) называются такие оппозиции, оба члена которых логически равноправны, то есть не являются ни двумя степенями какого-либо признака, ни утверждением или отрицанием признака. Таковы, например, немецкие p—t, f—k и т.д. Эквиполентные оппозиции — самые частые оппозиции в любом языке.

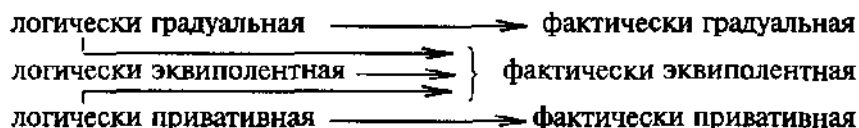
Любая оппозиция, взятая изолированно, то есть в отрыве от контекста фонологической системы и в отрыве от функционирования этой системы, является одновременно и эквиполентной и градуальной. Рассмотрим, например, противоположение звонких и глухих. Инструментальная фонетика учит, что согласные весьма редко бывают абсолютно звонкими или абсолютно глухими: в большинстве случаев мы имеем дело лишь с различными степенями участия голоса. Звонкость связана с расслаблением мускулатуры в полости рта, глухость, наоборот, сопряжена с напряжением мускулатуры. Отношение между d и t (например, в русском и во фран-

пузском) с чисто фонетической точки зрения является, таким образом, многозначным. Чтобы определить такое отношение как привативное, нужно, во-первых, обратить внимание лишь на единственный дифференциальный признак (например, на участие голоса или на напряжение мускулатуры языка) и отвлечься от всех остальных и, во-вторых, малые степени данного качества считать «равными нулю». Подобным же образом привативным будет и отношение между *и* и *о*, если рассматривать эти два гласных как две самые крайние степени раствора или сужения, а одну из этих степеней определять как «нулевую»: тогда либо *и* будет «неоткрытым», а *о* — «открытым», либо, наоборот, *и* будет «закрытым», а *о* — «незакрытым» гласным заднего (лабиализованного) ряда. Но то же отношение превращается в градуальное, если только в системе гласных данного языка есть еще один гласный, более открытый, нежели *о*: тогда *и* окажется крайним, а *о* — средним членом градуальной оппозиции.

Следовательно, определение той или иной фонологической оппозиции как эквиполентной, градуальной или привативной зависит от избранной нами точки зрения. Не следует, однако, думать, что такое определение является чисто субъективным и произвольным. Сама структура и функционирование фонологической системы определяют в большинстве случаев совершенно однозначную и объективную квалификацию любой оппозиции. В том языке, где, помимо *и* и *о*, имеются еще и другие гласные заднего ряда (или же задние и лабиализованные), степень подъема которых меньше, нежели у *о* (например, *э* или *а*), оппозиция *и*—*о*, безусловно, должна быть определена как градуальная. В противоположность этому в языках, где *и* и *о* являются единственными гласными заднего ряда, нет никаких оснований определять оппозицию *и*—*о* как градуальную. Оппозицию *t*—*d*, приведенную выше в качестве одного из примеров, следовало бы определить как градуальную только в том случае, если бы в данной системе фонем был еще третий «дентальный» смычный, глухость которого (и сопровождающая ее напряженность мускулов языка) была бы большей и более явственной, нежели у *t* (или, наоборот, меньшей, нежели у *d*). Там, где это условие отсутствует, нет никаких оснований для определения оппозиции *t*—*d* как градуальной. Если функционирование системы фонем указывает на то, что *t* является немаркированным членом оппозиции *t*—*d*, то оппозицию *с*—*д* следует определить как привативную; напряжение мускулов языка в этом случае нужно рассматривать как несущественный побочный признак, а степень участия голоса у *t* — как «нулевую»; следовательно, *t* надо считать «глухим», а *d* — «звонким». Но если по условиям

функционирования системы фонем немаркированным членом окажется *d*, а не *t*, то несущественным будет участие голоса, а напряжение мускулов языка превратится в дифференциальный признак оппозиции; следовательно, *t* надо будет считать «напряженным», а *d* — «ненапряженным». Если, наконец, по условиям функционирования системы фонем понятие беспризначности окажется неприменимым ни к *t*, ни к *d*, то оппозицию *d—t* надо будет считать эквиполентной¹.

Следовательно, включение той или иной конкретной оппозиции в разряд градуальных или привативных зависит отчасти от структуры, отчасти от функционирования системы фонем. Однако, помимо этого, в самой оппозиции должно содержаться нечто такое, что способствует ее определению как градуальной или привативной. Такая оппозиция, как *k—l*, ни при каких обстоятельствах не может быть ни привативной, ни градуальной, поскольку ее члены нельзя себе представить ни как утверждение или отрицание, ни как две различные ступени одного и того же признака. Но оппозиция *u—o* м о ж е т мыслиться и как привативная («закрытый» — «незакрытый» или «открытый» — «неоткрытый») и как градуальная. Что же касается того, как ее следует определить фактически (как привативную, градуальную или эквиполентную), то это зависит уже от структуры и функционирования данной фонологической системы. Таким образом, наряду с фактически привативными или градуальными оппозициями можно еще различать потенциально или логически привативные и градуальные оппозиции; равным образом наряду с фактически эквиполентными можно различать логически эквиполентные оппозиции. При этом логически эквиполентные оппозиции являются всегда и фактически эквиполентными, но фактически эквиполентные оппозиции не всегда логически эквиполентны, иногда они логически привативны или логически градуальны. Схематически это можно представить в следующем виде:

¹ См. об этом ниже, раздел «В».

**В. Классификация оппозиций по объему их
смыслоразличительной силы или
действенности в различных позициях:
постоянные и нейтрализуемые
оппозиции**

Под функционированием фонологической системы мы понимаем допустимую для данного языка сочетаемость фонем, а также условия фонологической действенности отдельных оппозиций.

До сих пор мы говорили о фонемах, фонологических оппозициях, системах оппозиций, отвлекаясь от фактического распределения фонологических единиц при образовании слов и их форм. Между тем роль отдельных оппозиций в любом языке весьма различна и зависит от объема различительной силы, которой они обладают во всех положениях¹. В датском языке ж и е возможны во всех мыслимых положениях: они образуют постоянную фонологическую оппозицию, члены которой являются самостоятельными фонемами. В русском языке е возможно лишь перед *ж* и перед мягкими согласными; в противоположность этому *е* встречается во всех других положениях; здесь, таким образом, *е* и *е* являются взаимодополняющими звуками, и их следует рассматривать не как две самостоятельные фонемы, а как комбинаторные варианты одной фонемы. Но во французском языке *е* и *е* как члены фонологической оппозиции возможны лишь в открытом исходе слова (*les — lait, allez — allait*); во всех прочих положениях наличие *е* или *е* механически регулируется правилом: в закрытом слоге — *е*, в открытом — *е*; следовательно, данные гласные надо определять как две фонемы лишь в открытом исходе слова, во всех остальных положениях их следует рассматривать как комбинаторные варианты одной фонемы. Это значит, что во французском языке фонологическое противоположение в известных положениях не *н*е *т*р *а* *л* *и* *з*у *е* *т* *с* *я*. Такие оппозиции мы называем не *й* *т* *р* *а* *л* *и* *з*у *е* *м* *ы* *м* *и*, а положения, при которых возникает нейтрализация, мы называем п о л о ж е н и я м и или п о з и ц и я м и н е й т р а л и з а ц и и; положения же, при которых оппозиция сохраняет свою значимость, — п о л о ж е н и я м и или п о з и ц и я м и р е л е в а н т н о с т и.

Психологическое различие между постоянными и нейтрализуемыми фонологическими оппозициями весьма значительно. Постоянные фоно-

¹ См. нашу работу «Die Aufhebung der phonologischen Gegensätze», TCLP, VI, 29 и сл., а также работу А.М. А р т н е, Neutralisation et archiphonème, TCLP, VI, 46 и сл.

логические противоположения воспринимаются даже фонетически не-натренированными носителями языка, а члены таких противоположений рассматриваются как две разные «звуковые индивидуальности». Что касается нейтрализуемых фонологических противоположений, то восприятие их оказывается неровным: оба члена таких оппозиций отчетливо различаются в релевантных позициях; но в позициях нейтрализации дело обстоит иначе: здесь зачастую трудно сказать точно, какой член оппозиции произнесен или воспринят. Но даже в релевантных позициях члены нейтрализуемых противоположений воспринимаются только как два оттенка, дифференцирующих значения, как две хотя и различные, но родственно близкие друг другу звуковые единицы, и это чувство родственной близости членов особенно характерно для таких оппозиций. С чисто фонетической точки зрения различие между французскими *i* и *e* ничуть не больше различия между *e* и *ε*. И все же для любого француза родство между *e* и *ε* очевидно, тогда как об особой близости между *i* и *e* не может быть речи. Это, естественно, связано с тем, что противоположение *ε*—*e* является нейтрализуемым, а противоположение *i*—*e* — постоянным.

Не следует, однако, думать, что различие между нейтрализуемыми и постоянными фонологическими противоположениями имеет лишь психологическое значение. Это различие, как подчеркнул впервые Н. Дурново, имеет исключительно большое значение для функционирования фонологических систем, являясь одним из краеугольных камней в теории этих систем. Таким образом, нейтрализация и способность к нейтрализации фонологических противоположений заслуживает подробного рассмотрения.

Прежде всего необходимо четко ограничить рассматриваемое понятие. «Нейтрализоваться» могут не все виды фонологических оппозиций. В тех положениях, где способное к нейтрализации противоположение действительно нейтрализуется, специфические признаки членов такого противоположения теряют свою фонологическую значимость; в качестве действительных (релевантных) остаются только признаки, являющиеся общими для обоих членов оппозиции (иными словами, основание для сравнения в данной оппозиции). В позиции нейтрализации один из членов оппозиции становится, таким образом, представителем «а р х и ф о н е м ы» этой оппозиции (под архифонемой мы понимаем совокупность смыслоразличительных признаков, общих для двух фонем¹). Из этого следует, что нейтрализоваться могут только одномерные оппозиции. В самом деле, ведь только оппозиции такого рода имеют архифонемы, которые могут быть противопоставлены всем прочим фонологическим единицам данной системы, а такое противопоставление вообще является основным условием фонологического

¹ См. R. Jakobson в TCLP, II, 8 и сл.

бытия. Когда одномерная оппозиция $d-t$ нейтрализуется в исходе слов немецкого языка, то член оппозиции, выступающий в позиции нейтрализации, представлен не звонким и не глухим, а «неносовым дентальным смычным вообще» и как таковой противостоит, с одной стороны, носовому дентальному n , а с другой стороны, неносовым лабиальным и гуттуральным смычным. В противоположность этому то обстоятельство, что t и d невозможны в начале слова перед i , а b и p в таком положении возможны, не ведет к нейтрализации оппозиций $d-b$ и $p-t$; в таком слове, как Blatt «лист», начальное b сохраняет все свои признаки: оно остается лабиальным звонким и не может рассматриваться как представитель архифонемы в оппозиции $d-b$, ибо фонологическим содержанием такой архифонемы мог бы быть только «звонкий вообще», а b в слове Blatt не воспринимается как таковой, поскольку g в слове glatt «гладкий» тоже является звонким. Следовательно, подлинная нейтрализация, благодаря которой один из членов оппозиции становится представителем архифонемы, возможна лишь при одномерных фонологических оппозициях. Но из этого отнюдь не следует, что все одномерные оппозиции способны нейтрализоваться на деле: почти в каждом языке имеются постоянные одномерные оппозиции. Если, однако, в языке есть нейтрализуемая оппозиция, она всегда одномерна.

Что выступает в качестве архифонемы в нейтрализуемой оппозиции? Здесь возможны четыре случая.

Первый случай. Представитель архифонемы не совпадает ни с одним из членов нейтрализуемой оппозиции.

а) Он реализуется в таком звуке, который, будучи фонетически родственным обоим членам оппозиции, тем не менее не совпадает ни с одним из них. В русском языке противоположение палатализованных лабиальных и непалатализованных нейтрализуется перед палатализованными дентальными; в позиции нейтрализации в этом случае выступает особый «полупалатализованный» лабиальный. В английском, где противоположение звонких слабых b, d, g и глухих сильных p, t, k нейтрализуется в положении после s , в этой позиции выступает особый глухой слабый. В некоторых баварско-австрийских диалектах, где противоположение сильных и слабых нейтрализуется в начале слова, в этой позиции выступает особый «полусильный» или «полуслабый». Число примеров подобного рода не трудно умножить. Во всех этих случаях архифонема представлена звуком, промежуточным между обоими членами оппозиции.

б) Несколько иначе обстоит дело там, где представитель архифонемы, помимо черт, общих с членами оппозиции, обнаружи-

вает дополнительно специфические, ему одному свойственные черты. Последние являются результатом сближения с фонемой, рядом с которой имела место нейтрализация. Так, например, в пекинском диалекте китайского языка оппозиция *k*—с нейтрализуется перед *i* и перед *ü*, причем в качестве представителя архифонемы выступает палатальное *ç*¹; в языке ями (на острове Тобаго) мягкое *l* перед *i* заменяет архифонему в оппозиции «дентальное *l* — какуминальное *l*»².

Во всех этих случаях (то есть и в случаях типа *a* и в случаях типа *b*) звук, который появляется в позиции нейтрализации, представляет собой своего рода комбинаторный вариант как первого, так и второго члена оппозиции. Хотя такие случаи замещения архифонемы звуком, который не совпадает полностью ни с одним из членов оппозиции, весьма часты, они встречаются все же реже, чем те случаи, когда звук, выступающий в позиции нейтрализации, оказывается более или менее сходным с определенным членом оппозиции в релевантной позиции.

Второй случай. Представитель архифонемы совпадает с одним из членов оппозиции, причем выбор представителя архифонемы обусловлен *и з в н е*. Это возможно лишь в тех случаях, когда нейтрализация оппозиции зависит от соседства с какой-либо фонемой; член оппозиции, «сходный», «родственный» или полностью совпадающий с соседней фонемой, становится представителем архифонемы. Во многих языках, где противоположение *з в о н к и х* и *г л у х и х* (или напряженных и ненапряженных) шумных нейтрализуется перед шумными того же способа образования, перед звонкими (или ненапряженными) могут быть только звонкие шумные, а перед глухими (или напряженными) — только глухие. В русском языке, где противоположение палатализованных и непалатализованных согласных нейтрализуется перед непалатализованными дентальными, в этом положении могут быть только непалатализованные согласные. В таких случаях (а они относительно редки) выбор члена оппозиции в качестве представителя архифонемы обусловлен чисто внешними обстоятельствами (свойством позиции нейтрализации).

Третий случай. Выбор члена оппозиции в качестве представителя архифонемы обусловлен *и з н у т р и*.

¹ Cp. Henri Fret в «Bulletin de la Maison Franco-Japonaise», VIII, 1936, № 1, стр. 130.

² Cp. Erin Assai, A study of Yami language, an Indonesian language spoken on Botel Tobago island, Leiden, 1935, стр. 15.

а) В этом случае в позиции нейтрализации появляется один из членов оппозиции, выбор которого не стоит в связи со свойствами позиции нейтрализации. Однако, поскольку один из членов оппозиции выступает в этом положении в качестве представителя соответствующей архифонемы, его специфические черты становятся несущественными, тогда как специфические черты его партнера по оппозиции полностью сохраняют свою фонологическую релевантность. Таким образом, первый член оппозиции оказывается «архифонемой + нуль», а второй, в противоположность первому — «архифонемой + определенный признак». Иными словами, тот член оппозиции, который оказывается возможным в позиции нейтрализации, с точки зрения соответствующей фонологической системы является *н е м а р к и р о в а н н ы м*, тогда как другой, противоположный ему член является *м а р к и р о в а н н ы м*. Само собой разумеется, что это может иметь место только в том случае, если нейтрализуемое противоположение логически привативно. Однако большинство нейтрализуемых оппозиций принадлежат к этому классу, являясь противоположениями немаркированного и маркированного членов; причем тот член оппозиции, который выступает в позиции нейтрализации, оказывается немаркированным.

б) Если, однако, нейтрализуемая оппозиция является не привативной, а градуальной (например, противоположение различных степеней подъема у гласных или различных степеней высоты тона), то в позиции нейтрализации всегда выступает «*в н е ш н и й*», или «*к р а й н и й*», член оппозиции. В болгарском языке и в новогреческих диалектах, где противоположения *у—о* и *и—е* нейтрализуются в безударных слогах, максимально узкие (собственно минимально широкие) *у* и *и* служат представителями соответствующей архифонемы. В русском языке, где противоположение *о—а* нейтрализуется в безударных слогах, максимально широкое (собственно минимально узкое) *а* представляет соответствующую архифонему в непосредственно предударном слоге. В ламба (один из языков банту в Северной Родезии), где противоположение низкого и среднего тона нейтрализуется в исходе слова, в позиции нейтрализации (то есть в последнем слоге) допускается лишь низкий тон¹. Можно привести немало примеров этого рода. Причина данного явления предельно ясна. Мы уже отмечали, что оппозиция может рассматриваться как градуальная только в том случае, когда в данной фонологической системе есть дополнительный элемент,

¹ Cp. Clement M. D o k e, A study of Lamba phonetics, «Bantu studies», July, 1928.

который представляет собой еще одну ступень того же признака. При этом такая ступень всегда должна быть выше, чем ступень «среднего» члена оппозиции: *i* и *e* образуют градуальную оппозицию, поскольку в данной системе гласных есть еще один гласный, степень раствора которого больше, чем у *e*. Следовательно, «крайний» член градуальной оппозиции, как правило, имеет *m* и *n* и *m a l ь n y o* ступень соответствующего признака, тогда как «средний» член той же оппозиции превышает данный минимум и, таким образом, может быть представлен как «минимум + нечто еще от того же самого признака». А так как архифонема должна содержать только общее для обоих членов оппозиции, то она может быть представлена лишь «крайним» членом такой оппозиции¹. Если нейтрализуемая оппозиция логически эквивалентна, то обусловленный внутренними причинами выбор представителя архифонемы оказывается невозможным. Однако следует заметить, что нейтрализация логически эквивалентных оппозиций вообще редкий случай.

Четвертый случай. Оба члена оппозиции замещают архифонему: один член — в одних позициях нейтрализации, другой — в других. Этот четвертый случай логически противоположен первому (где ни один из членов не является представителем архифонемы). В чистом виде рассматриваемый случай наблюдается очень редко. Тогда он представляет собой простую комбинацию второго и третьего. Так, например, в японском языке противоположение смягченных (с окраской *i* или *j*) и несмягченных согласных нейтрализуется перед *e* и *i*, причем смягченные согласные замещают соответствующую архифонему перед *i*, а несмягченные — перед *e*: ясно, что здесь выбор представителя архифонемы обусловлен в одном случае (перед *i*) внешними обстоятельствами, в другом случае (перед *e*) — внутренними. Имеются, однако, случаи, где такая интерпретация оказывается невозможной. В немецком языке оппозиция *ss*—*sch* нейтрализуется перед согласными, причем *sch* является представителем архифонемы в начале корня, а *ss* — в середине и исходе его. О том, что выбор представителя архифонемы обусловлен извне, не может быть и речи; тем более не может быть речи о внутренней обуслов-

¹ Само собой разумеется, что сказанное выше имеет отношение только к таким нейтрализуемым градуальным оппозициям, один из членов которых будет «крайним». Там, где оба члена оппозиции представляют собой различные «средние» ступени соответствующего признака, функцию архифонемы может взять на себя либо один, либо другой член оппозиции; здесь все зависит от того, как трактуется соответствующий признак с точки зрения данного языка. Практически речь здесь в основном идет о противоположении двух типов *e* или *o*. В одних языках немаркированными оказываются закрытые *e*, *o*, в других — открытые. В таком случае с фонологической точки зрения противоположение не является больше градуальным.

ленности, поскольку оппозиция здесь эквиполентна. В других случаях различные позиции нейтрализации с фонологической точки зрения не являются вполне равнозначными, почему и оба представителя архифонемы не могут рассматриваться как равнозначные. Так, например, в немецком языке противоположение «глухого ss» и «звонкого s» нейтрализуется как в начале корня, так и в исходе морфемы, причем в качестве представителя архифонемы выступают в начале корня «звонкое s», в исходе — «глухое ss». Но исход слова в немецком представляет собой позицию минимального различия фонем: в этом положении нейтрализуются оппозиции p—b, k—g, t—d, ss—s, f—w, а равным образом и количественные противоположения гласных. Из 39 фонем немецкого языка здесь возможно всего лишь 18, тогда как в начале слова их 36 (a, ah, äh, au, b, ch, d, e, eh, ei, eu, f, g, h, i (j), ih, k, l, m, n, o, ö, oh, oh, p, pf, r, s, sch, t, u, ü, üh, uh, w, z). Ясно, что при таких обстоятельствах представитель архифонемы в начале слова должен рассматриваться как «более подлинный». И поскольку в случае с «глухим ss» и «звонким s» речь идет о логически привативной оппозиции, то ее можно было бы рассматривать как фактически привативную, а «звонкое s» — как ее немаркированный член.

Следовательно, встречаются случаи, когда нейтрализация привативной оппозиции ясно и объективно показывает, какой член этой оппозиции является немаркированным, а какой — маркированным: в «третьем случае» немаркированный член нейтрализуемой оппозиции служит единственным представителем архифонемы, а в «четвертом случае» — представителем архифонемы в положении максимального фонеморазличия.

Иногда нейтрализация оппозиции дает указания на маркированный характер члена другой оппозиции. В самом деле, часто оппозиция нейтрализуется в соседстве с маркированным членом родственной оппозиции. Например, в арчинском языке противоположение лабиализованных и нелабиализованных согласных нейтрализуется перед о и у; это указывает, что о и у являются маркированными членами оппозиций о—е, у—і.

Благодаря нейтрализации логически привативные оппозиции становятся фактически привативными, а различие между немаркированными и маркированными членами оппозиции получает объективную основу.

3. Корреляции

Две фонемы, которые являются членами одномерной оппозиции, тем самым состоят между собой в близком родстве, ибо то,

что является общим для них, не встречается больше ни у одной из фонем данной системы. Таким образом, они оказываются е д и н с т в е н н ы м и в с в о е м р о д е. При противопоставлении их друг другу то специфическое, что присуще каждой из них, легко отчленяется от того общего, что их объединяет. В противоположность этому две фонемы, являющиеся членами многомерной оппозиции, кажутся неразложимыми единицами. У фонем, которые выступают как члены пропорциональной оппозиции, дифференциальный (различительный) признак легко обособляется от других, поскольку он наличествует и во многих других парах фонем той же системы и потому довольно легко абстрагируется, то есть может мыслиться независимо от всех прочих признаков. В противоположность этому у фонем, которые являются членами изолированной оппозиции, дифференциальный (различительный) признак не так легко уловить, поскольку он проявляется в данной системе всего один раз и к тому же лишь в сочетании с другими признаками тех фонем, которым этот признак присущ. Из всех возможных логических отношений между двумя фонемами привативное отношение выделяется благодаря тому, что наличие или отсутствие известных признаков данных фонем обнаруживается в нем самым очевидным образом. Вот почему анализ фонологического содержания фонем, выступающих членами привативной оппозиции, оказывается наиболее легким. Наоборот, труднее всего анализировать фонологическое содержание фонем, которые являются членами эквиполентной оппозиции. Две фонемы, выступающие в качестве членов нейтрализуемой оппозиции, близкородственны даже в релевантных позициях, причем каждая из них считается особой разновидностью соответствующей архифонемы, реальность которой удостоверяется ее появлением в нейтрализованном положении. Напротив, гораздо менее очевидна принадлежность к архифонеме тех двух фонем, противоположение которых друг другу имеет постоянный характер, иными словами, не нейтрализуется.

Из всего сказанного выше можно сделать следующий вывод: участие двух фонем в одномерной пропорциональной привативной и к тому же нейтрализуемой оппозиции способствует, с одной стороны, несложному анализу фонологического содержания этих фонем, поскольку дифференциальный (различительный) признак в данном случае легко обособляется от общего (= основания сравнения), и, с другой стороны, трактовке этих фонем как особенно близкородственных между собой. В противоположность этому две фонемы, являющиеся членами изолированной многомерной (и, следовательно, ненейтрализуемой) оппозиции, мак-

симально неясны в отношении своего фонологического содержания и максимально далеки друг от друга по степени родства (эти особенности проявляются весьма заметно, если речь идет о неоднородной оппозиции).

Если рассматривать нейтрализуемые привативные пропорциональные одномерные оппозиции, с одной стороны, и изолированные неоднородные многомерные оппозиции, с другой стороны, как две крайние точки, то все прочие типы оппозиций можно разместить между этими двумя крайними точками. Чем больше в данной системе нейтрализуемых привативных пропорциональных одномерных и однородных оппозиций, тем структура, связи внутри нее прозрачнее; наоборот, чем более доминируют в данной системе логически эквивалентные изолированные многомерные и разнородные оппозиции, тем связи внутри структуры менее прозрачны. Поэтому кажется целесообразным обозначить особым термином привативные пропорциональные одномерные оппозиции, с тем чтобы выделить их среди всех прочих противоположений. В фонологической литературе пользуются для этого словом *к о р р е л я ц и я*. Однако определение, которое дано корреляции, а также некоторым другим связанным с ней понятиям в «Проекте стандартизированной фонологической терминологии»¹, нуждается ныне в некоторых изменениях, так как оно было предложено тогда, когда теория оппозиций еще не получила надлежащего развития. Ныне мы предлагаем следующее определение этого понятия.

Под *к о р р е л я т и в н о й* *п а р о й* мы понимаем две такие фонемы, которые являются членами логически привативной пропорциональной одномерной оппозиции. *П р и з н а к* *к о р р е л я ц и и* (или *к о р р е л я т и в н ы й* *п р и з н а к*) представляет собой фонологический признак, наличие или отсутствие которого характеризует ряд коррелятивных пар (например, наализация гласного, которая различает во французском языке коррелятивные пары *ap—a*, *op—o*, *ip—e*, *up—eu*). Под *к о р р е л я ц и е й* мы будем понимать совокупность всех коррелятивных пар, обладающих одним и тем же коррелятивным признаком. *П а р н о й* называется фонема, которая участвует в коррелятивной паре, *н е п а р н о й* — фонема, которая не принимает участия ни в одной коррелятивной паре.

Понятие «корреляция» является весьма плодотворным для развития фонологии. Однако в первое время после введения этого понятия его значение несколько переоценивалось, поскольку все оппозиции, члены которых не образуют коррелятивных пар, были смешаны в одну кучу и под-

¹ TCLP, IV, 1930.

ведены под одно понятие «дизъюнкция»; в результате среди фонологических единиц стали признавать только два типа отношений: либо отношения корреляции, либо отношения дизъюнкции. Более тщательное исследование показало, однако, что в действительности следует различать многие типы фонологических оппозиций и что понятие «дизъюнкция», имеющее первоначально слишком общий характер, не является удачным. Позднее было вскрыто принципиальное различие между нейтрализуемыми и ненейтрализуемыми корреляциями. Впрочем, и ненейтрализуемая корреляция сохраняет свое значение для когерентности фонологической системы. С этой оговоркой учение о корреляции может занять подобающее ему место в фонологии¹.

В зависимости от того или иного коррелятивного признака можно выделить разные типы корреляций: корреляции звонкости (франц. d—t, b—p, g—k, z—s и т.д.), корреляции количества (ā—a, ī—i) и т.д. Эти разнообразные типы корреляций находятся между собой в различных степенях родства и поэтому могут быть подразделены на родственные группы. Основанием для классификации служит отношение коррелятивного признака к другим признакам соответствующих фонем. Так, например, корреляция звонкости (франц. d—t, b—p) и корреляция придыхания (др.-инд. t—th, p—ph) принадлежат к одному родственному классу, поскольку их коррелятивные признаки представляют различные виды работы гортани и напряжений в надгортанной полости независимо от места артикуляции в полости рта.

Классификация корреляций по родственным классам не является простым теоретическим вывертом. Она полностью соответствует действительности. Даже неискушенное языковое сознание ясно ощущает, что оппозиции типа u—ü, ö—e в немецком языке хотя и различны, тем не менее лежат в одной плоскости, тогда как противоположение долгого ā и краткого a лежит уже в другой плоскости. Проецирование фонологических оппозиций (а, следовательно, также и корреляций) либо на одну и ту же, либо на разные плоскости является психологическим результатом тех родственных отношений коррелятивных признаков, которые лежат в основе классификации корреляций на родственные классы.

¹ См. также (но с указанными оговорками): N.S. Trubetzkoy, Die phonologischen Systeme, TCLP, IV, стр. 96 и сл. В первый раз понятие «корреляция» (предложенное и определенное Р. Якобсоном) было использовано применительно к пропорциональной одномерной оппозиции в тезисах (подписанных Р. Якобсоном, С. Карцевским и автором этих строк), предложенных вниманию Первого международного конгресса лингвистов в Гааре (см. Ier Congrès international de linguistes, La Haye, 1928, Propositions, стр. 36 и сл.; Actes du Ier Congrès international de linguistes, стр. 33 и сл., а также TCLP, II, стр. 6 и сл.).

4. Пучки корреляций

Если фонема участвует во многих корреляциях одного и того же родственного класса, то все фонемы, участвующие в тех же коррелятивных парах, объединяются в многочленный пучок корреляций. Структура такого пучка весьма многообразна и зависит не только от числа участвующих корреляций, но и от их взаимных отношений.

Чаще всего встречаются пучки, состоящие из двух родственных корреляций. При этом возможны два случая: либо оба члена каждой корреляции участвуют в другой корреляции, либо обе корреляции имеют только один общий член. В первом случае образуется четырехчленный пучок корреляций, во втором случае — трехчленный. Оба случая лучше всего проиллюстрировать на материале древнеиндийского и древнегреческого языков. В обоих языках смычные участвуют одновременно в корреляции звонкости и в корреляции придыхания. Но в древнеиндийском в результате этого возникают четырехчленные пучки:

p—ph k—kh t—th
b—bh g—gh d—dh,

а в древнегреческом — трехчленные:

π φ κ χ τ θ
β γ δ

При объединении трех родственных корреляций теоретически возможны пучки с числом членов от четырех до восьми. Многие из этих типов на самом деле подтверждаются примерами из разных языков. Во многих языках Кавказа корреляция звонкости и корреляция рекурсии объединяются с корреляцией сближения или смычности (под этим термином надо понимать противопоставление смычных или аффрикат спирантам). При этом возникают, например в чеченском, четырехчленные пучки¹:

q̣ c̣ č̣
γ q z c ž č
χ s š

где противоположение по признаку сближения является существенным только у глухих (z и ž реализуются в начале слова как аффри-

¹ Cp. N.S. Trubetzkoy, Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen, «Caucasica», VIII, 1931.

каты, в середине и в исходе слова — как спиранты), а противоположение по признаку экспирации — лишь у смычных (или аффрикат). В грузинском языке те же корреляции дают пятичленные пучки, в силу того что здесь корреляция сближения распространяется на оба члена корреляции звонкости:

$$\begin{array}{cc} \mathbf{c} & \mathbf{\check{c}} \\ \mathbf{z} & \mathbf{\check{z}} \\ \mathbf{z} & \mathbf{\check{z}} \end{array}$$

Наконец, в черкесском языке из тех же корреляций получается шестичленный пучок:

$$\begin{array}{ccc} \hat{y} & \hat{c} & \hat{c} \\ \hat{z} & \hat{s} & \hat{s} \end{array}$$

поскольку здесь корреляция рекурсии распространяется на оба члена корреляции сближения.

Связь между членами корреляционного пучка оказывается особенно тесной там, где весь пучок нейтрализуем. Такие нейтрализуемые корреляционные пучки нередки. Приведенные выше четырехчленные пучки древнеиндийского языка нейтрализовались перед шумными и в конце слова (причем в абсолютном исходе в качестве единственной архифонемы выступал неаспирированный глухой). В корейском языке, где смычные образуют трехчленные пучки (слабые — сильные — аспираты), эти пучки нейтрализуются в исходе слова и соответствующая архифонема замещается импловзивным. С другой стороны, по тембровому признаку корейские согласные образуют трехчленные корреляционные пучки (нейтральные — палатализованные — лабиализованные), причем такие пучки нейтрализуются в исходе слова, и их архифонема оказывается в этом случае представленной нейтральным согласным. Но, кроме того, корреляция палатализации нейтрализуется перед *i* (представитель архифонемы обусловлен извне), а корреляция лабиализации — перед *u* и *y* (представитель архифонемы обусловлен изнутри)¹.

В арчинском (восточнокавказская группа) острые сибиллянты образуют шестичленный пучок корреляций (звонкие—глухие аффрикаты без гортанной смычки — слабые аффрикаты без гортанной смычки — сильные аффрикаты с гортанной смычкой — слабые глухие спиранты — сильные глухие спиранты).

¹ Ср. А. Холодович, О латинизации корейского письма, «Советское языкознание», 1, стр. 144 и сл.

который нейтрализуется перед t, d, причем в качестве архифонемы выступает (слабый?) спирант. Примеры можно было бы легко приумножить.

Проецирование всех членов корреляционного пучка на одну и ту же плоскость, равно как и тесная взаимосвязь, присущая его членам, ведут к тому, что разложение пучка на отдельные корреляции иной раз оказывается весьма трудным делом. Там, где, например, различные просодические корреляции объединяются в один пучок, члены этого пучка воспринимаются то как разные «ударения» (причем различия в количестве или различия в способе перерыва тона [Tonabsatz] не воспринимаются отдельно), то как разные ступени количества без учета различий в движении тона. При этом подобные ошибки случаются не только с профанами, неискушенными людьми, но и с теоретиками, иной раз с фонетистами по призванию. Такие случаи являются доказательством психологической реальности деления корреляций на родственные классы. Они возможны только там, где имеется налицо реальный пучок корреляций, то есть там, где фонема участвует во многих корреляциях одной и той же родственной группы.

Если фонема участвует одновременно во многих корреляциях, принадлежащих разным родственным группам, то эти корреляции не объединяются в «пучки»: они не проецируются на одну плоскость, а накладываются друг на друга. Немецкое долгое ударное i участвует одновременно во многих корреляциях: в корреляции ударения, в корреляции количества и в корреляции лабиализации. Но если первые две корреляции образуют пучок (просодический пучок корреляций), то корреляция лабиализации (i—ü, e—ö) явно принадлежит иной плоскости. Может случиться, что два корреляционных пучка, лежащие в разных «плоскостях», накладываются друг на друга и в известных положениях нейтрализуются. Мы уже приводили в качестве примера корейский язык, где смычные образуют пучок корреляций (состоящий из слабых, сильных и аспират) и где, кроме того, все согласные, а среди них также и смычные, образуют пучок по тембровому признаку (состоящий из нейтрального, палатализованного и лабиализованного членов). Оба пучка нейтрализуются в исходе слова, и импловивный гуттуральный K выступает тогда в качестве представителя архифонемы, чему в середине слова соответствуют девять фонем (g, k, k', g', k', g°, k°, k''). Несмотря на это, совершенно очевидно, что пучки g—k—k' и g—g'—g° лежат в совершенно разных плоскостях.